

Сил национальных формирований⁸⁴. Но после обсуждения было решено сформировать из карел, финнов, вепсов и русских, находившихся в составе корпуса, обычную 71-ю стрелковую дивизию⁸⁵.

Первым командиром 71-й СД стал А. Анттила, командиром 52 стрелкового полка был назначен финн А. Алланэ; 206 стрелкового полка – карел В. Ф. Алексеев; 126 стрелкового полка – финн И. М. Петров (Тойво Вяха); комиссаром дивизии – олонекский карел Ф. И. Егоров; командиром саперного батальона – финн Т. Алтонен⁸⁶.

Эта была последняя попытка создания в Карелии национальных воинских формирований.

Е. Ю. Дубровская

«...О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...»: ВОСПОМИНАНИЯ «КРАСНЫХ ФИННОВ» О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КАРЕЛИИ

При сопоставлении отразившихся в источниках традиционных образов «природного» времени, какими они сложились в представлениях крестьянского населения карельского приграничья в начале XX столетия, и образов времени «военного» и «революционного», революции 1917 г. и гражданской войны в России, особый интерес представляют воспоминания т.н. «красных финнов».

Судьбы десятков «красных финнов», посвятивших себя военному делу профессионально, оказались связанными с Карельским Егерским батальоном⁸⁷. Среди них участники революции 1918 г.

⁸⁴ Национальные формирования стали создаваться только в ходе Великой Отечественной войны в соответствии с решением ГКО СССР от 13 ноября 1941 года. (См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 484.

⁸⁵ НАРК, Ф. 3435, оп. 1, д. 116, л. 175–176.

⁸⁶ Там же, л. 176.

⁸⁷ Подробнее об этом см.: *Дубровская Е. Ю.* Карельский Егерский батальон и воинские формирования в Карелии в 1920-е гг. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. СПб., 1999. № 5. С. 20–26.

в Финляндии рабочий М. Куконоя и выборжанин Я. Саволайнен, уроженец Улеаборгской губернии А. Лайне, рабочий со ст. Руукки Э. Ояла, и многие другие, чьи автобиографии хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН.

В 1920–1930-е годы психологическое состояние жителей Карелии характеризовалось постоянной готовностью к непрочности достигнутого мира и ожиданием внезапного нападения извне. Любое послевоенное общество неизбежно отравлено войной, и её психологические последствия для общества не менее важны, чем экономические, политические или социальные. На основании собственного недавнего опыта и под воздействием советской индоктринации психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – «человека сражающегося», особый психологический тип, который возникает в предвоенные годы, в массовых масштабах порождается во время войны и продолжает существовать в течение довольно продолжительного времени после её окончания.

Советское общество, сформировавшееся в 1920–1930-е годы специалисты характеризуют в связи с присущим ему самосознанием как межвоенное⁸⁸. Укреплением такого типа общественного сознания был отмечен весь период строительства Карельского Егерского Батальона (КЕБ). Созданный осенью 1925 года, а с осени 1930 года вошедший в состав развернутой в Карелии Отдельной Егерской Бригады, батальон претерпел постоянную смену командиров, кадровые чистки начала 1930-х годов и прекратил существование осенью 1935 года в связи с расформированием национальной бригады и репрессиями офицеров – бывших «красных финнов», многие из которых стали жертвами сфабрикованного особым отделом Ленинградского военного округа (ЛВО) дела «о заговоре финского генштаба»⁸⁹.

⁸⁸ Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт исторической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8–9, 15.

⁸⁹ Кангасгуро М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 138–140; Репухова О. Ю. Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Политическая история и историография (От античности до современности). Петрозаводск, 1996. С. 85–99; Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х гг. // *Historia Fennougrica* 1:2. Oulu, 1996. С. 516–518; Она же. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 98–103.

Согласно сведениям, приводившимся в докладе Начальника территориального управления АКССР Зусмановича, в 1926 году в КЕБ насчитывалось 567 чел. рядовых красноармейцев, в том числе 368 карелов, 193 русских и 6 финнов. (По социальному составу 516 крестьян, 37 рабочих и 14 служащих, среди них 17 членов и кандидатов РКП(б) и 140 комсомольцев). Младший комсостав по этнической принадлежности тоже в подавляющем большинстве был карельским: 80 карелов, 29 русских, 6 финнов, в их числе 93 крестьянина, 11 рабочих и 1 служащий (84 членов ВЛКСМ).

Между тем в числе 50 командиров среднего и старшего состава и политсостава на долю финнов приходилось больше половины – 30 чел., русских – 11 чел. и всего пятеро карелов (в том числе 32 рабочих, 6 крестьян, 1 служащий; среди них беспартийные оставались в явном меньшинстве: 26 коммунистов, 12 кандидатов в члены партии и 5 комсомольцев)⁹⁰. Офицерский корпус КЕБ в основном состоял из «красных финнов» – эмигрировавших в Советскую Россию участников гражданской войны в Финляндии, впоследствии служивших в 164-м (6-ом) финском полку Красной армии и, как правило, получивших профессиональное образование в Интернациональной военной школе. В 1923 году Президиум Карельского обкома принял решение удовлетворить просьбу Центрального бюро Финляндских организаций в Петрограде о направлении в эту школу 25–30 курсантов карелов по национальности⁹¹.

В 1930-е годы по инициативе сотрудников, работавших в историко-революционной секции Карельского научно-исследовательского института под руководством Ээро Хаапалайнена, проводился сбор воспоминаний о революционных событиях в Финляндии и Карелии. Руководитель секции, в период революции 1918 года и гражданской войны в Финляндии занимавший пост уполномоченного по внутренним делам в правительстве «красных» финнов и должность главнокомандующего Красной гвардии, хорошо понимал значение сбора и публикации свидетельств очевидцев о происходившем в те годы⁹².

⁹⁰ НА РК, Ф. 3, оп. 2, д. 102, л. 69.

⁹¹ Там же, оп. 1, д. 216, л. 137об.

⁹² *Такала И. Р.* Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография. С. 187–193.

Однако значительная часть записанных рассказов так и не увидела свет из-за того, что их содержание слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране. Многие воспоминания из тех, что в послевоенные годы всё же были предназначены к публикации, носят следы редакторской правки, что само по себе может служить источником по истории науки и стать самостоятельным объектом исследования. Достаточно назвать изъятые из воспоминаний Федора Акуловича Лесонена, уроженца д. Суднозеро Вокнаволоксской вол. Кемского уезда, упоминание о том, что носителями радикальных идей и сторонниками призывов по-новому организовать жизнь приграничья становились не только солдаты-большевики, возвращавшиеся в карельскую глубинку с фронтов Первой мировой войны⁹³.

По свидетельству автора воспоминаний, написанных в 1958 году, «в наших деревнях жили и работали рабочие Финляндии, сбежавшие от виселиц и тюрем Маннергейма. Среди них были революционеры, имена которых оставались неизвестными для широких кругов». Во время наступления белофинских отрядов вглубь Беломорской Карелии весной 1918 года именно финские рабочие революционеры Мюря и Пурсайнен были расстреляны одними из первых в д. Суопасваара Юшкозерской волости, а уж затем арестованы сторонники новой власти из местного карельского населения⁹⁴.

Но такая «память» не вписывалась в установленную схему и нарушала монополию большевиков на революционизирование жителей приграничья и на чествование павших героев, которые могли происходить лишь из рядов правящей партии или ей сочувствующих. Поэтому из окончательной редакции воспоминаний как одна из «неудобных» подробностей исчез эпизод с погибшими финскими революционерами.

Обращают на себя внимание воспоминания участника Гражданской войны в Карелии, одного из руководителей Компартии Финляндии и деятеля международного рабочего движения Тойво Ан-

⁹³ Архив Кар НЦ РАН, Ф. 1, оп. 20, д. 140, л. 15.

⁹⁴ Там же, л. 17.

тикайнена⁹⁵. Финские отряды воевали на Урале, в Сибири и на Южном фронте. Из слушателей пехотных курсов в Петрограде был сформирован финский батальон численностью до 250 чел., который осенью 1919 года был направлен на фронт под Петроградом и принимал участие в боях против войск Северо-Западной армии Н. Н. Юденича⁹⁶.

По свидетельству Т. Антикайнена, бойца 164-го финского стрелкового полка, который сформировали из «красных финнов», во время военных действий на территории Заонежья летом 1919 года в полку «с питанием все обстояло отлично»: «Местность была довольно зажиточной. Молока и овец было вдоволь. Мы соблюдали советский денежный “курс”, поддерживая сходные цены. Когда село брали с боя, в тот день за молоко не платили. Это был своего рода “военный налог”. Никакого другого насилия не применялось. Всякое самоуправление энергично пресекалось. Да его, собственно, и не было. Командиры об этом хорошо заботились. Армейский паек в те времена был тоже приличным. Нас снабжали непосредственно от дивизии. Мы получали двойную порцию сахара и жиров. Выдавали мясные консервы. В то же время полк снабжался от бригады и жил на вобле»⁹⁷.

Помимо свидетельства о хорошем снабжении бойцов 2-го батальона 164-го полка, переформированного в отдельную единицу при 19-й стрелковой дивизии 7-й армии, таком нетипичном для документальных материалов периода гражданской войны в Карелии, воспоминания Т. Антикайнена содержат и своеобразный пример красноармейского фольклора: «Я получил утром две воблы, принесу тебе одну из них», – так ответил бежавший в атаку красноармеец на издевки белых: «Большевики, вам не голодно ли?»⁹⁸

Описывая действия своих однополчан в Заонежье, автор воспоминаний упоминает о том, что у них была даже «кавалерия»: «У крестьян мы мобилизовали лошадей. Когда часть бойцов нам

⁹⁵ Тойво Антикайнен : жизнь и подвиг. Петрозаводск, 2008. С. 7–16, 20–30.

⁹⁶ Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 191–196.

⁹⁷ Антикайнен Т. Фронтовые воспоминания // За Советскую Карелию. Петрозаводск, 1963. С. 213–214.

⁹⁸ Там же. С. 216.

удавалось посадить на коней, они гарцевали по селам и околицам, как, бывало, гусары. Так мы вводили противника в заблуждение, не давая ему установить наши истинные силы»⁹⁹.

Именно в эти годы обстановка и обстоятельства военной службы армейских кадров от командного корпуса до солдат, так же, как и их последующие связи с армией и государством после демобилизации, формировали взгляды и поведение, которые составили основу «военизированного социализма» как компонента советской политической культуры середины 1930-х годов. С периода гражданской войны советские лидеры стали особенно широко использовать военный лексикон, военную символику, воспринимать чрезвычайные меры по отношению к населению как норму, хотя уже в условиях Первой мировой войны влияние социальных аспектов военных действий и существования военных институтов оказывало значительное влияние на все стороны жизни общества.

Возвращаясь к событиям, о которых вспоминает Т. Антикайнен, следует сослаться на свидетельства о поездке в Заонежье из отчета, подготовленного в ноябре 1919 года комендантом петрозаводского порта для политотдела Онежской озерно-речной военной флотилии. Находясь в октябре по болезни в заонежском с. Кузаранда, он интересовался настроениями жителей после освобождения Заонежского полуострова от частей войск Временного Правительства Северной области генерала Е. К. Миллера. Как отметил автор документа, «у крестьян настроение большевистское к Советской власти, только не довольны на финнов, что самочинно брали одежду и продукты». Присутствуя на сельском собрании, военный моряк пообещал крестьянам, что «за лошадой будет заплачено, когда те использовались для подвоза снарядов и патронов по 80 руб. в день, и пояснил, что за все самочинные действия со стороны финнов будут привлечены ответственные работники, т. к. они отвечают за команду»¹⁰⁰.

Характеризуя состав бойцов 164-го полка, оставившего, как видно из приведённого отчета, недобрую память у заонежан, Т. Антикайнен отметил, что состав этот был «очень пестрым – по

⁹⁹ Там же. С. 213.

¹⁰⁰ РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота), Ф. Р-124, оп. 2, д. 18, л. 35.

возрасту были люди от 15 до 60 лет. Были и совсем не обученные. Дисциплиной тоже нельзя было похвастаться. Они повоевали в Финляндии, на южных просторах России, в сибирских степях, защищали эстонскую бедноту. Они появлялись всегда и везде там, где нужно было уничтожить старую власть, которой суждено было исчезнуть в лица земли. Для систематической боевой подготовки времени не оставалось. Не было также обученных командиров»¹⁰¹.

Приведенный фрагмент воспоминаний свидетельствует об осознании бойцами 164-го полка одной из главных новых ценностей, на формирование которой была направлена работа армейских политорганов, – своей освободительной миссии по отношению к классово близким представителям «угнетенных» всех национальностей. В реальной повседневности это оборачивалось не только обострением социальных противоречий в городе и деревне, но и усилением межэтнической напряженности, в данном случае, между русскими крестьянами Заонежья и финнами–красноармейцами.

Среди документов политотдела Онежской флотилии об агитационных поездках моряков в деревню примечательно относящееся к этому же времени обращение военных моряков с «горячей просьбой» «к товарищам-красноармейцам 1-го батальона Финского полка». «Зная вас как самых отважных защитников нашей дорогой РСФСР», говорилось в обращении, моряки просили финских красноармейцев «показать себя перед крестьянами с самой лучшей стороны»¹⁰².

«Мы, моряки, очень хорошо знаем, что есть крестьяне, которые очень много сделали дурного по своей темноте, мы все против тех, кто делает для нас дурное», но ради «внимания и симпатии со стороны крестьян к рабочей и крестьянской власти» к ним следует «иметь снисходительность». «Дорогие товарищи, на нас всех льют ушатами грязь. Почему это так – и вот почему, что у нас есть такие, которые, не считаясь ни с чем, делают всё, что угодно». Онежцы призывали финнов «смотреть друг за другом», поскольку «это есть самое хорошее средство» для прекращения «всяких недоразумений». Обращение заканчивалось словами: «После этого мы, мо-

¹⁰¹ Антикайнен Т. Указ. соч. С. 211.

¹⁰² РГА ВМФ, Ф. Р-124, оп. 2, д. 125, л. 1.

ряки, шлём вам свой горячий привет как лучшим защитникам революции и желаем общего успеха побед над белогвардейской сволочью. Да здравствует Красная Армия!»¹⁰³.

Возникает вопрос: насколько эффективной для населения Карелии оказалась армейская школа «военного коммунизма», в которой «красным финнам» суждено было сыграть как роль «учителей», так и роль «обучаемых», в какой степени ее уроки были усвоены обществом? Ответ на него не столь прост, как может показаться на первый взгляд. Важно подчеркнуть, что люди не просто привыкали к произволу и насилию – им дали понять, что единственным способом «смягчения» крайностей того и другого является казарменный вариант жизнедеятельности общества в целом. Подобный образец социального устройства в глазах молодого поколения постепенно становился единственным известным вариантом «порядка», а затем и привычным суррогатом справедливости.

Е. А. Кочеткова

ВКЛАД ФИННОВ-ИММИГРАНТОВ В СТРОИТЕЛЬСТВО КОНДОПОЖСКОГО ЦБК (1920–1930-Е ГОДЫ)

Период с 1920-х по 1930-е годы стал важным этапом для развития экономики Карелии. За это время республика превратилась из отсталой в окраины в индустриально развитый регион: был возведён ряд крупных промышленных предприятий, лесозаготовительных пунктов, созданы рабочие кадры, налажено производство. Большую роль в строительстве карельской промышленности сыграл финский фактор: в рамках проводившейся в эти годы национальной политики республика получила большой приток рабочих кадров из числа этнических финнов-иммигрантов, участвовавших в возведении важных объектов.

Одним из таких значимых объектов явился Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат, строительство которого имело огромное значение не только для Карелии, но и для страны в целом. Комбинат в Кондопоге стал отправной точкой индустриализации

¹⁰³ РГА ВМФ, Ф. Р-124, оп. 2, д. 125, л. 1.